

Майкл Уиллер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
на Изнанке

— **ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВОЛШЕБНИКА** —

Издательство Аст
Москва

УДК 8
ББК 84
УЗ6

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении издания использованы рисунки
Анны Хотеновой и Алисы Шур,
а также иллюстрации из архива *Shutterstock*

Уиллер, Майкл

УЗ6 Приключения на Изнанке: исчезновение волшебника / Майкл Уиллер. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. [12 ил.]. — (Киноартефакты).

ISBN 978-5-17-170760-6

Иногда по ночам меня будит свет, льющийся из подвала родительского дома в далеком 1983 году. Я подолгу лежу в постели глядя, как по потолку скользят отблески фар машин, проносящихся мимо... Я знаю, что от того дома — и того подвала — меня отделяют сорок лет и два штата. Я знаю это днем, но по ночам не могу отделаться от ощущения, что стоит мне только встать с кровати, сделать несколько шагов до двери своей комнаты и распахнуть ее — как я снова окажусь там. На старой деревянной лестнице с высокими ступенями, широкими перилами и квадратными балясинами. Я представляю, как иду по ней вниз, и от каждого моего шага взмывается облачко пыли. ...

...чтобы заново разобраться во всем, что когда-то я знал наизусть, мне потребовалась бы пара-тройка месяцев. А потому я вынужден полагаться на память, которая, как читателю уже известно, не отличается добросовестностью. Ведь я не могу ждать. Моя история не может ждать. Потому что я наконец понял, что толкает меня писать. Свет, мешающий по ночам, волшебство, которому нет имени... Я наконец-то знаю, о ком моя история.

УДК 8
ББК 84

ISBN 978-5-17-170760-6

© Уиллер М., текст, 2026
© Хотенова А.И., иллюстрации, 2026
© Шур А.И., иллюстрации, 2026
© Издательство АСТ, 2026

От автора

Иногда по ночам меня будит свет, льющийся из подвала родительского дома в далеком 1983 году. Я подолгу лежу в постели, глядя как по потолку скользят отблески фар машин, проносящихся мимо моего дома. Вопреки закону о тишине иногда гудят клаксоны. Я знаю, что от того дома — и того подвала — меня отделяют сорок лет и два штата. Я знаю это днем, но по ночам не могу отделаться от ощущения, что стоит мне только встать с кровати, сделать несколько шагов до двери своей комнаты и распахнуть ее — как я снова окажусь там. На старой деревянной лестнице с высокими ступенями, широкими перилами и квадратными балясинами. Я представляю, как иду по ней вниз, и от каждого моего шага взмывается облачко пыли. Что же я вижу?

Признаюсь, здесь моя память дает первый сбой. Воображение рисует мне небольшой квадратный стол в самом центре комнаты в окружении разномастных стульев — и дальше встает намертво. Подвал простирался под доброй половиной родительского дома, и я точно

знаю, что он служил нам хранилищем старых вещей. Там наверняка была ненужная мебель, дедовы ящики с инструментами, коробки с детской одеждой, из которой мы вырастали с удручающей быстротой... Спустя пару лет после смерти мамы мы с сестрами разбирали альбомы со своими детскими фотографиями, и, к моему величайшему сожалению, не обнаружили среди них ни единого снимка 1983 года. Сейчас эти альбомы стоят над каминной полкой у самой старшей из нас, и, каждый раз бывая у нее в гостях, я пробегаюсь глазами по их корешкам. 1980, 1981, 1982, 1984...

В моей жизни случались потери и пострашнее пары десятков снимков, но почему тогда мне кажется, что свет из подвала льется по ночам на мою кровать именно потому, что когда-то был запечатлен на них и отныне потерян?

Впрочем, я лукавлю. Одна фотография 1983 года чудом уцелела, правда, никакого подвала на ней нет. Это мой школьный снимок, который мама до самого конца держала на прикроватной тумбочке рядом с такими же снимками моих сестер. Сейчас он стоит на моем рабочем столе, вызывая у друзей и знакомых улыбки и легкое недоумение: «Это действительно ты, Майкл?»

Это действительно я? Мальчишка на снимке недовольно морщит нос и смотрит в сторону от объектива. Его нелепая стрижка — воплощение 80-х, а кожа такая светлая, будто он месяцами не видел солнечного света. В общем-то так и было. Потому что большую часть лета, по окончании которого был сделан этот снимок, он провел в подвале — том самом.

И он был там не один. С ним были его друзья — а еще эльфы, гномы, волшебники и бесчисленные орды

монстров и слуг хаоса. Потому что летом 1983 года мальчик на снимке заболел неизлечимой болезнью, подкосившей половину американских ребятишек, родившихся в семидесятых, — игрой «Подземелья и драконы».

Если эту книгу держит в руках мой ровесник — я представляю, как загорелись его глаза (или как он их закатил — в зависимости от того, коснулась ли его та пандемия)! Если же она нашла дорогу к юному читателю — рекомендую воспользоваться Гуглом, если вы не слышали об этой игре. Объяснить, *что* это была за игра, мне все равно не под силу. Я могу бесконечно описывать, какой восторг и трепет внушал нам весь процесс — от подготовки кампании до ее прохождения, но едва ли приближусь к сути. «Подземелья» стали для нас не просто игрой — они стали образом жизни и мысли. Наш язык обогатился бесчисленным множеством новых слов, которыми мы любили ставить в тупик взрослых, давая знакомым местам новые наименования, понятные нам одним. Благодаря «Подземельям» в нашу жизнь пришло волшебство: оно зародилось там, за маленьким квадратным столом в пыльном подвале дома моих родителей, и стремительно его переросло. Волшебство выплеснулось наружу и преобразило весь мир мальчишек и девчонок, прозябающих в американской глубинке, где самым громким событием года была победа соседской тыквы на Фестивале Осени.

А потом оно ушло. Растворилось где-то во времени и пространстве: осталось сторожить забытый в гараже велосипед, заблудилось в давно покинутых школьных коридорах, не успело на поезд, увозящий вчерашних детей в университет, большой город, взрослую жизнь.

И теперь уже мои племянники используют незнакомые словечки из какой-то другой игры и лукаво перемигиваются, когда мы их не понимаем.

И вот я, давно потерявший всякое сходство с мальчиком на фотографии — впрочем, кожа моя и поныне скорее сгорает, чем покрывается загаром, а вот от роскошной шевелюры давно не осталось и следа — снова услышал зов давно забытого волшебства. И что мне оставалось делать? Среди моих родных и близких есть люди, способные конструировать космические корабли и разбираться в международной политике (я всегда в тебя верил, сестренка!), а я умею только одно — рассказывать истории.

А потому однажды ночью, в очередной раз проснувшись от ударившего по глазам ослепительного света, который кроме меня никому не дано увидеть, я встал с кровати. Подошел к двери. Потянул на себя ручку...

...и уже через пару минут сидел за своим рабочим столом. Здесь мне бы очень хотелось добавить что-то вроде: и остервенело стучал по клавишам ноутбука, не успевая за ходом собственных мыслей, но все было не так. Я сидел за столом и в ужасе смотрел на пустой лист на экране. Я точно знал, *что* хочу писать, но понятия не имел — *о чем именно*. Кроме того, несмотря на самые теплые воспоминания об игре в «Подземелья», сама суть игры за давностью лет успела мною порядком подзабыться.

Так память подвела меня во второй раз. Я грустно пощелкал мышкой и вернулся в постель. На следующее утро, с трудом дождавшись, когда у одного из моих друзей на другом конце страны пробьет хотя бы восемь, я уже висел на телефоне. Я просил, нет, требовал, чтобы

друг немедленно отправил мне хранившийся у него набор для игры времен нашего детства, со всеми книгами и справочниками. Откровенно говоря, проще и быстрее было бы купить все это на Ибей, но в то утро я не был способен мыслить рационально. Я знал лишь одно — один из тех самых наборов, которые мы использовали для игры в подвале, сохранился у моего друга в качестве семейной реликвии. И он был мне нужен.

Когда спустя неделю я шел с почты, зажав под мышкой объемную коробку, сердце у меня трепыхалось из последних сил где-то в районе горла. Весь день и половину ночи я провел, перечитывая рассыпающиеся на глазах книжки и просматривая потемневшие от времени карты.

На следующий день я начал работу над книгой.

Со стыдом должен признаться, мой друг старался зря — воссоединившись с игрой своего детства, я испытал мощнейший прилив эмоций, но почти ничего не почерпнул для книги. Удивительно, как восприимчив к новой информации мозг ребенка — и как незаметно утрачивается наша способность поглощать и впитывать. Чтобы заново разобраться во всем, что когда-то я знал наизусть, мне потребовалась бы пара-тройка месяцев. А потому я вынужден полагаться на память, которая, как читателю уже известно, не отличается добросовестностью. Ведь я не могу ждать. Моя история не может ждать.

Потому что я наконец понял, что толкает меня писать. Свет, мешающий по ночам, волшебство, которому нет имени...

Я наконец-то знаю, *о ком* моя история.

Пролог

Все началось с загадочного исчезновения волшебника. В мире, которому посчастливилось стать родным для наших героев, ничего самого по себе загадочного в этом не было. Кто их знает, этих волшебников — что вздумается им, книгочеям и поборникам богов, сотворить в иную минуту? Человек, которому ничего не стоит заставить неучтливового торговца рассыпаться горсткой лягушек, вполне может позволить себе исчезнуть, ни перед кем ни отчитываясь. Иной волшебник так стукнет посохом по полу собственноручно возведенной каменной кельи, что долго еще будут звенеть на полках фиалы с магическим зельем, а он сам тем временем уже успеет напиться эля в таверне на границе соседнего княжества. Нет, дело не в том, что Ульвин Всезнающий однажды просто исчез.

Дело в том, *как* он исчез.

Но об этом позднее. Сначала о том, что произошло в минуту его исчезновения, — потому как, хоть история и начинается с пропажи волшебника, знакомство с ней

нам предстоит начать с его друзей. Итак, что же делали друзья Ульвина Всезнающего в минуту, когда он пропал?

...в давно исчезнувшей с карт деревушке на границе Великого Герцогства рыцарь Ордена Щита, паладин Майкрон замахивался мечом, чтобы нанести очередной удар одному из огров, спустившихся с гор ради грабежа. В момент, когда Ульвин Всезнающий исчез, Майкрон на миг замер — и едва не лишился головы от удара палицей.

...в гуще древнего лиственного леса следопыт и охотник на монстров Лоркан выслеживал очередную добычу. Бесшумно крадясь по следам твари, он не спал уже несколько дней, но ум его был ясен как никогда. Лоркан замер на месте, медленно натянул тетиву и весь обратился в слух. Еще немного — и стрела вонзится твари в глаз по самое оперение. В момент, когда Ульвин Всезнающий исчез, Лоркан вдруг потерял равновесие, тетива выскользнула из мгновенно вспотевших рук и стрела просвистела у твари над головой. Жуткие зеленые глаза вспыхнули при виде охотника, поставив его перед выбором: обнажить меч или бежать.

...в торжественно украшенном зале замка короля Дорнайна второй день праздновали свадьбу младшего сына Его Величества. Знаменитый бард Делвин, приглашенный на торжество лично королевой, перебирал струны лиры, время от времени присоединяя к ее звонкому и печальному голосу собственный — неожиданно нежный и высокий. В момент, когда Ульвин Всезнающий исчез, пальцы на миг отказались подчиняться Делвину и мелодия оборвалась, чтобы в ту же секунду

возобновиться. Едва ли кто-то из пирующих обратил внимание на барда, а тот больше не спускал с гостей глаз.

В одно и то же мгновение все трое ощутили, что дорога, которой каждый из них давно уже следовал в одиночку, поменяла направление прямо у них под ногами. Не имея возможности поговорить и не зная мыслей друг друга, стараясь не тратить больше необходимого на сон и еду, все трое потянулись к маленькой черной точке akurat в самом центре карты восточной части континента — к величайшему из вольных городов. К родному городу их общего друга — Ульвина Всезнающего.

Глава 1

Майкрон ничуть не удивился, обнаружив дверь дома Ульвина Всезнающего слегка приоткрытой. Таков был Ульвин: страждущие всегда могли рассчитывать на плошку похлебки и место у очага под его крышей, а задумавшие дурное — на какое-нибудь особо замысловатое проклятье. И все же, переступая порог, Майкрон не мог отделаться от дурного предчувствия.

На первый взгляд опасаться было нечего. Ни намека на беспорядок, ни следов ожесточенной борьбы, ни окровавленного тела посреди зала — ничего такого, что вот уже которую ночь без сна рисовало воображение Майкрона. И все же что-то было не так.

Чуть слышный шорох с вершины лестницы заставил Майрона выхватить меч и бесшумно отступить в тень. Он прижался спиной к стене и приготовился отражать удар неизвестного противника, как вдруг...

— Делвин, что там у тебя? — с ноткой недовольства поинтересовался со второго этажа хорошо знакомый рыцарю голос.

— Ничего интересного, друг мой. Это всего лишь сэр Майкрон поудобнее устраивается в тени, готовясь снести нам головы у подножия лестницы. Изволишь спуститься первым?

Майкрон усмехнулся, убрал меч и, не таясь, вышел на середину зала.

— Не моя вина, что шума от вас, ребята, как от стада огров. Вечер добрый, Делвин. — Бард, удобно устроившийся верхом на балюстраде с кубком на перевес, нарочито вежливо ему кивнул. — Лоркан, Ульвин с тобой?

— Нет, но мы наделись, что он объявится с минуты на минуту. — Лоркан появился откуда-то из недр жилых комнат, сжимая что-то в руке — снизу Майкрон не мог понять, что именно, но выражение лица друга ему уже не нравилось. — Похоже, надеялись мы зря. Взгляните-ка сюда ребята.

Уже через минуту друзья стояли у огромного стола посреди зала и ожесточенно спорили. Перед ними в свете масляной лампы лежала книга с отчетливым следом чудовищных когтей на потертой кожаной обложке.

— Говорите что хотите, а мне это не нравится, — Лоркан выглядел самым встревоженным. — С Ульвином что-то случилось, нутром чую. И вы тоже, иначе не притащились бы сюда с разных концов материка.

— А я разве спорю? — горячился Майкрон. — Я не меньше тебя переживаю за Ульвина, но будь благоразумен! Эта книга не одно столетие отпраздновала, и царапины могли появиться на ней задолго до того, как она попала к нашему другу.

— Могли, разумеется. Но мы, в отличие от тебя, здесь все вверх дном перерыли, и это пока единственное, что указывает...

— На что? На то, что Ульвина Всезнающего, придворного мага пяти королевств и семи королей, посреди древнейшего и самого могущественного из известных нам вольных городов утащили волки?

— Про волков я ничего не говорил.

— Про волков он и правда ничего не говорил, — рассеянно заметил Делвин. Перебранка его мало занимала — все внимание барда было сосредоточено на книге. — Терпеть не могу такое говорить, но Лоркан может в кои-то веки оказаться прав. Царапины на обложке глубокие, но бумага под ними не выцвела.

Майкрон возвел глаза к потолку:

— Ульвин — не какой-нибудь мажонек из захолустья, и мы не в глухой деревне. Случись у него с кем-то битва, мы бы про нее еще на подъезде к городу услышали.

— На него могли напасть ночью, — не желал сдавать позиции Лоркан.

— Тебе надо почаще выбираться из лесов, друг мой, — Майкрон тяжело вздохнул. — Ночь в таком городе как Греймаунт — время разгула воров и убийц, но они предпочитают проворачивать свои делишки в тени и тишине. Бой с волшебником навряд ли нашего Ульвина наделал бы столько шума, что уже через минуту вся гильдия ночных сторожей была бы на ногах.

— Если у него было время принять этот бой, — негромко произнес Делвин. — Майкрон, в другое время я бы не просто с тобой согласился, но сказал бы все

это первым... Правда, куда изящнее и доходчивей, но, по сути, ты прав. И все же я поддержку Лоркана. Что-то случилось, и мы все это знаем. Признаю, царапины на книге выглядят не слишком убедительно, но бóльшим мы пока не располагаем, а потому предлагаю начать с них. С царапин.

— Что именно ты предлагаешь делать? — В глубине души Майкрон знал, что друг прав, но признавать поражение ему не хотелось. Не то чтобы он стремился одержать победу над Лорканом, но сама мысль о том, что на их Ульвина напали и нападение кончилось его исчезновением, ввергала рыцаря в отчаяние.

— Предлагаю начать с разговора, — ответил Делвин.

— С книгой? — изумился Лоркан.

— Майкрон прав, друг мой, ты того и гляди совсем одичаешь. Если длительное пребывание среди кустов и деревьев пробудило в тебе друида, можешь зваться к ее страницам, разумеется. А я пока пообщаюсь с соседями.

— Где ты их возьмешь после заката? — уязвленно поинтересовался Лоркан.

— В ближайшей таверне. Заодно и денюжат подзаработаю на ваше содержание — сильно сомневаюсь, что жители вольного города испытывают острый недостаток в убийцах гоблинов, орков и прочих монстров из чащи. А вообще — ребята, я по вам скучал!

— А мы по тебе нет, — мрачно откликнулся Лоркан и заработал тычок под ребра от Майкрона.

Впервые с момента встречи друзья рассмеялись.

Не желая бездействовать и испытывая легкие угрызения совести, в которых ни один из них и под пытками бы не признался, Майкрон и Лоркан покинули дом Ульвина Всезнающего, чтобы наведаться к зданию Общественного совета. Хоть Земли Щита и располагались неподалеку от Греймаунта, представители Ордена в городе присутствовали лишь номинально и рассчитывать на помощь братьев по мечу Майкрону не приходилось. Лоркан, как и все следопыты и охотники на монстров, не зависел ни от кого и, хотя ему и доводилось сотрудничать с гильдией убийств время от времени, старался держаться от нее подальше. Иными словами, Делвин попал в точку — рассчитывать на официальные заказы друзьям не приходилось. Другое дело — Общественный совет. Возможно, у какого-нибудь входящего туда купчишки найдется для двух славных пришлых воинов поручение, которое он по тем или иным причинам не осмелился доверить гильдии. На практике это могло означать, что гильдия послала купчишку с его поручением, а пуще того — с оплатой за оное, куда подальше, но Майкрону и Лоркану выбирать не приходилось.

Друзья и в мыслях не держали заставить в ратуше Общественный совет в полном составе во главе с лордом-мэром — их вполне устроила бы и встреча с кем-нибудь из магистратов, но удача в тот вечер им не благоволила. Ратуша оказалась закрыта.

— Делвин был прав, пользы от нас не предвидится, — печально вздохнул Майкрон, присаживаясь на каменные ступени.